

цифирных школ, которые были призваны дать народу первоначальную грамоту, т. е. научить читать и писать. С Петра I начинается интенсивная работа по обращению народностей России нехристианского вероисповедания в христианство. Эти факты следует считать прогрессивным явлением в истории чувашского народа, так как на основе более тесного общения с русским народом чувашаи в дальнейшем получают письменность. В обращении чувашей и других народностей в христианство и в удержании их в новой религии были заинтересованы не только ведомство православного вероисповедания, но и гражданская власть, чем и объясняется интенсивная деятельность гражданской власти и православной церкви в деле распространения грамотности среди чувашей.

За время с 1740 по 1764 г. основная масса чувашского населения была обращена в христианство деятельностью «Новокрещенской конторы», учрежденной для этой цели при Свяжском монастыре под начальством архимандрита Дмитрия Сеченова. В связи с этим для религиозной пропаганды и организации перевода религиозной литературы вводится преподавание чувашского языка в духовных учебных заведениях для детей русской и нерусской национальности. Несколько позже, а именно начиная с 1828 года, департамент уделов и министерство государственных имуществ открывает для чувашских детей начальные школы, а с 1838 года ведомство православного вероисповедания начинает открывать церковно-приходские школы. В 1867 году специально для развития миссионерской деятельности среди народностей Поволжья в г. Казани организуется «Братство Свяителя Гурия», которое также начинает открывать школы грамоты и сосредоточивает в своих руках всю издательскую и переводческую работу на языке народностей Поволжья.

Приведем некоторые данные из истории чувашской письменности XVIII и первой половины XIX века, послужившей предпосылкой для зарождения чувашского литературного языка.

§ 2. ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА.

Начало чувашской письменности следует отнести к 1730 году, когда впервые были опубликованы записи некоторых чувашских слов и поговорок, сделанные Филиппом Иоганном Таубертом (Страленбергом).

Вторым из ранних документов чувашской письменности является текст перевода молитвы «Отче наш», сделанный в 1733 году профессором Императорской Академии Наук Герардом Миллером в г. Казани через толмачей Казанской губернской канцелярии при его возвращении из Камчатской экспедиции¹.

1. Г. Миллер. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то: черемис, чуваш и вотякоз... СПб, 1791 г.

А тей х́амерна хоть поллу синé асн́атобь, ять сань ќилдесь
 Отче наш, иже еси на небесех да святится имя твое да придет
 шахерь сань неть ирекъ сань ляля иќллу синé и сирь-сине сукрú
 царствие твое, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли, хлеб
 перить санремь-конь барь мана хварь мона хозьеть пернь ляля аб́ир
 наш насущий даждь нам днесь, и остави нам долги наши якоже и мы
 хваратеберь (наши долги человеком) ан изекáй неть неть неть
 оставляя должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас
 шайтань-рапъ (тувь шайтань мона онь пуссуль) неть сань шахерь бат́ирь
 от лукавого (или дьявол нам не вредил) яко твое есть царство, сила,
 неть конни-бахъ!
 слава во веки.

Как видно из текста молитвы, многие слова: днесь, должником нашим, нас, во искушение, но, избави, есть, слава — оставлены без перевода, так как значение некоторых из них раскрывается лишь при учете синтаксических отношений, но Миллер совершенно не знал синтаксиса чувашского языка и слабо разбирался в лексике и фонетике его. Последнее обстоятельство выясняется из его же работы по записи им в Чебоксарах 277 слов и фраз чувашского языка, помещенной в той же работе. Запись сделана со слов представителей верхового окающего наречия, что подтверждается следующими примерами: **юрь** «снег», **ой** «поле», **хир** «степь», **водда** «дрова», **тода** «губы», **иря** «жеребец», **корок** «трава».

О качестве записи русский ученый В. А. Сбоев еще в 1856 году отметил следующее:

«Чувашские слова изуродованы. Кто в Миллеровских: ассие, эркурпи, ксно-арне, ссоль, юлтань, бюхюрь, архипь, обска, тарси, ссормь, тиягъ, хайлышь, хёрли-сирла, ссувь—узнает чувашские слова: сизимь «молния», пурь «град»; киснепи-кон «четверг» (в сноске дается пояснение, что чувашские стилисты растягивают это слово так: кизинь-арникон); сюль «дорога», ылдымь «золото», пыгырь «медь», арсынть «мужчина», опушки «муж», «супруг»; чора «слуга», сюрт «дом», тыйга «жеребенок», хачь «ножницы», сирьсырли «земляника», сю «масло».²

В 1769 году написана первая печатная чувашская грамматика, которая появилась без указания автора под заглавием: «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»¹.

Настоящая грамматика построена на материале светского содержания и, видимо, составлена в Академии Наук во славу

¹ В чувашском тексте, со 2-го по 27 параграф, сохранены орфография и пунктуация оригинала; исключением являются §§ 10—19.

² В. А. Сбоев. Об инородцах Казанской губернии. Казань. 1856 г.

процветания отечественной науки, что видно из предисловия данной книги, где говорится: «Когда многие для разных причин желают знать языки не только нынешних, но и прежде бывших народов; то кольми паче надлежит нам стараться довольно знать языки тех народов, которые между нами внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего...»¹

Грамматика напечатана по русской транскрипции с добавлением латинской буквы *g*. Вследствие того, что центр просвещения народностей Поволжья находился в то время в Нижнем Новгороде, а в территориальной близости находились чуваша с верховым наречием, то в основу грамматики было положено верховое наречие, которые затем прочно держалось в чувашской письменности вплоть до 1870 года.

Грамматика 1769 года отметила в чувашском языке 8 частей речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог и междометие; пять падежей: именительный, родительный, дательный, винительный и относительный (по современной терминологии творительный) и 2 склонения. Склонения предлагается различать по родительному падежу:

1) **-ыннь, -ннь** (по современной транскрипции **-ән, -н**),

2) **-иннь, -н** (по современной транскрипции **-ён, -н**).

Далее перечисляются окончания именительного падежа I склонения: а, о, у, ы, вь, ль, мь, нь, рь, ть, дь, зь, сь, кь, хь, пь и II склонения: я, и, й, ю, ы, имь и ымь, мь, рь, ль, нь, ть, дь, зь, сь, кь, хь, пь, чи, чы, жь, жь, ть, ть.

Нетрудно догадаться, что к I склонению были отнесены имена с гласными заднего ряда, присоединяющие варианты аффиксов с гласными заднего ряда; ко II склонению были отнесены слова с гласными переднего ряда, присоединяющие варианты аффиксов с гласными переднего ряда.

Далее даны парадигмы склонения имен существительных

¹ Согласно двум справочникам по библиографии: 1) Роспись книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина систематическим порядком расположенная. Санктпетербург, 1828 г. 2) Сопиков В. Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов... до 1813 г. СПб. 1815 г.—за 1769 г. не значится грамматики под названием: «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»..., а в обоих справочниках есть одна книга под этим названием, которая значится изданной в СПб в типографии Академии наук в 1775 г.

В настоящее время следует считать выясненным, что мы имеем дело с одним и тем же текстом грамматики чувашского языка, написанной в 1769 году, выход в свет которой датирован 1775 годом. (См. Д. Д. Шамрай. К истории появления первой грамматики чувашского языка. Опубликовано в «Ученых записках» Чувашского НИИ, вып. XII, 1955 г.)

и приложен словарь имен с приведением аффикса родительного падежа, словарь прилагательных, где обращают на себя внимание произвольная форма чувашских прилагательных: **сьонатый** «крылатый», **вилимый** «смертный», **кашкырлый** «волчий», **тилий** «лисий», **сюлий** «высокий». Между прочим следует отметить, что к прилагательным отнесены: местоимение **порде** «все», числительные **икше** «они вдвоём», **икке** «два», **висье** «три», **пиллек** «пять». Затем дается словарь глаголов в форме I лица изъявительного наклонения. Из парадигмы спряжения глаголов мы видим, что грамматика в качестве нормы предлагает те же формы, которые употребляются и в современном чувашском языке: **казярадып** «прощая», **казярадынъ** «прощаешь», **казярат** «прощает», **казяратпыр** «прощаем», **казярадыр** «прощаете», **казярась** «прощают», **казярчсь** «простили», **казярысь** «простят» и т. д.

Наконец, даются наиболее употребительные наречия, междометия и предлоги. Следует отметить, что аффиксы местного и исходного падежей перечислены в числе предлогов.

Недостатком этой грамматики следует признать отсутствие точности в передаче чувашских звуков, отсутствие в ней связного текста и синтаксических сведений. Не случайно то, что грамматика не содержит разделов фонетики и синтаксиса. Это надо понимать так: у автора не было знаний даже основных фонетических и синтаксических законов чувашского языка. По этой причине редуцированные гласные **ä** и **ë** в разных фонетических положениях передаются разными буквами: **ä** в безударном слоге передается через **а, ы, у, ь¹**, и или же оставляется без обозначения, например: **арам** «жена», **хыюлы** «смелый», **кубук** «пена», **каччъ** «жених», **каик** «птица», **квак** «синий». То же самое следует отметить и в обозначении звука **ë**, передаваемого в разных позициях буквами **е, ь, и, ю, я**. Автор грамматики не различал особенностей двух самостоятельных фонем непалатализованного **с** и палатализованного **ç**, вследствие чего не было возможности правильного чтения слов: **сюря** (по современной транскрипции: **сүре**) «борона» и **сюря** (**сүре**) «ходи». Употребление буквы **ь** носит случайный характер, например: **хвьль** «солнце», **чибъ** «цыпленок», но **либешъ** «бабочка».

В чувашском языке отмечены 2 склонения имен существительных, которых фактически нет. Образование чувашских прилагательных на **-ый, -ий** (**кашкырлый, волчий; тилий, лисий**) является измышлением неизвестного автора.

Неудачная транскрипция без диакритических знаков для специфических звуков чувашского языка (**выгыт** «время», **симись** «пища», **кюба** «рубашка», **ьике** «веретено»), отсутствие самой элементарной орфографии и орфоэпии, господство одного верхового наречия (**поган** «стул», **хорадап** «боюсь») продол-

¹ В этом абзаце вместо буквы **я** проставлен **ь**, к которому следовало бы добавить вертикальную палочку слева.

жаются вплоть до реформы чувашского алфавита в 1871—72 гг. Незнание законов чувашского синтаксиса и подстрочный дословный перевод с церковно-славянского и русского текстов на чувашский язык с полным соблюдением порядка слов в предложении по оригиналу продолжается до Н. И. Золотницкого (1829—1880 гг.). Все это вместе взятое лишает письменный язык этого периода основного его значения, как орудия письменного общения, но несмотря на это, данная грамматика 1769 года легла в основу многих последующих грамматик.

Вот еще другой перевод той же молитвы «Отче наш», сделанный в 1788 году же специалистом своего рода — учителем поэзии Нижегородской духовной семинарии Петром Талиевым. Текст данного перевода значительно приближен к синтаксическим законам чувашского языка, но, вследствие неточной передачи некоторых чувашских слов и необычного порядка слов в предложении, он все же непонятен даже природному чувашу.

Аття—тора пюлють синчи, санынь яда тудух чондан азанма пира барр киясь соды сяндалакь рада пира ан брахь санын тора ирекь болдырь, пюлють синче да, сирь синче да, пира борнамалых тулыхь сюкурь туварь бар; казярь пирень силахь сале, аберь те порь синзане озаль тунажинь чондань казярабырь, анбарь пира ирекь сильхь тувма, осра пира шойтан озаль тувасрань иозаль шокшь парасть-рань¹.

(Перевелъ поэзии учитель Петр Талиев.)

Тексты оригинальных стихотворений этого периода на чувашском языке стоят несколько ближе к строю чувашского языка, чем приведенный выше текст. Но и здесь остается то же впечатление (видимо, так оно по существу и было), что мысль сперва изложена на русском языке, а затем, путем опросов значения каждого слова у чувашей, дан подстрочный перевод. Вот текст стихотворения, относящегося к 1769 году. Оно написано неизвестным автором по случаю духовной церемонии в честь приезда Екатерины II в Казань. Оно прочитано учеником новокрещенской школы в загородном архиерейском доме. Подобные хвалебные стихотворения были прочитаны и другими учениками на русском, марийском, удмуртском, мордовском и татарском языках. Уже данная обстановка сама по себе говорит об однозном содержании и стиле данного стихотворения:

Пелместапарь апирь тя минь барась пария,
 Сана чиберь патша порамарынь Ання!
 Јоратыжынть пири пелместа марь халчень
 То-ра хужу сюдя пелзынь и дахь чечень
 Памалыхь ся-ванжень, ни-минь сюк чонь анчахь
 Пария вырня полдарь вулда аппинь санахь.

Дословный перевод:

Не знаем мы, какой дать дар
 Тебе, славная царница, наша мать.

¹ Чувашский научно-исследовательский институт. Фонд проф. И. В. Никольского, том 182, стр. 139.

За любовь к нам. Не знали до сих пою
Бога, иже на небесех. Узнав, все прекрасное
Отдадим за это, но ничего нет,— только душа,
Вместо дара пусть будет она твоя¹.

Этот текст в смысле словарного состава безупречен. Здесь не встречается ни одного слова, непонятого для современного чуваша. Слово **чечень** встречается в диалектах и означает «прекрасный». Ряд слов труден для понимания вследствие неудачной транскрипции, например: 1) **тя минь — темён** «что»; 2) **пора мырын — пурсамрайн** «принадлежащий всем», «наш»; 3) **и дах — йалтах** «все»; 4) **сiox — сук** «нет»; 5) **вудла — вай та** «и она».

Черточка употреблена в разделительном значении, т. е. для задержания голоса. Вследствие этого она в слове **то-ра** способствует правильному чтению слова **торра** (в значении прямого объекта, а в других случаях является в данном тексте излишней).

Работенство перед весильной монархией передано в возвышенном тоне, а потому синтаксическая инверсия с обратным порядком слов, примененная в данном тексте, приемлема, но совершенно не допустимы следующие обороты:

1. «саиа чибер патша пора-марынь Аниа йоратныжынь пиря» они поясняют глагол, но оторваны от него вследствие инверсии и поставлены в конце предложения, что затрудняет понимание всего предложения; 2. «пелместа мар халчень тора хужу сюддя» — здесь определенительное словосочетание «хужу сюддя», относящееся к слову **то-ра**, должно стоять впереди этого слова в ином синтаксическом выражении.

Знаки препинания поставлены неправильно, а потому не все из них служат смысловоразличительной задаче.

Состояние работы в области лексики, фразеологии и терминологии чувашского языка отражают словари XVIII века. Появление их оказалось возможным благодаря высокому подъему русской науки о языке. В 1783 г. было приступлено к составлению русского толкового словаря, и усилиями русских ученых и литераторов в области лексикологии и лексикографии был выпущен «Словарь Академии Российской» (1789—1794), состоящий из 43 257 слов.

Намечено было также составление «Доброго словаря Российского с другими языками и других языков с Российским». В отношении языков народностей России сбор словарного материала правительством Екатерины II был поручен епархиальным архиереям. Словарь народностей Поволжья, содержащий II 115 слов, был составлен в Нижегородской епархии. Эта работа носит название: «Словарь языков разных народностей в Нижегородской епархии обитающих, именно: россиян, татар, чу-

¹ Где нет особых указаний, перевод с русского текста во всей работе принадлежит автору данной работы. Этот перевод ставил целью лишь точную передачу смысла текста, а не художественную сторону передачи.

ваш, мордвы и черемис... по алфавиту Российских слов расположенной: в Нижегородской Семинарии от знающих оные языки священников и семинарстов под присмотром преосвященного Дамаскина Епископа Нижегородского и Алатырского сочиненной 1785 года».

Словарь этот не был издан, один экземпляр его был отослан Екатерине II и лег в основу изданного словаря из 285 наиболее употребительных слов на 200 языках под названием: «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы», отд. 1, часть I, 1787 г., часть II, 1789 г. Чувашский язык занимает здесь 64-ое место.

В 1790—91 гг. в Петербурге появляется другой словарь Екатерины II под названием: «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный».

«Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих...» в отношении чувашского текста является лучшим словарем XVIII века, но его нельзя считать ни в какой мере нормативным словарем, а, наоборот, он содержит ряд неточностей и искажений.

При составлении указанного словаря был использован весь опыт переводческой работы за пройденный этап. Некоторые примеры, приведенные ниже, брались или из книжной продукции, или же составлялись механически и включались в словарь без проверки на живом языке, что подтверждается примерами на фразеологию¹.

1. На ухо говорю «хулга синчень калаганъ» (394)².
2. Начинаю великое что «посьладапъ асли минь» (394).
3. Несу перед кем свечу «лезедепъ кам унче сюрда» (405).
4. Писание какого-нибудь писателя «хоть клараганъ сира» (441).
5. Поздравляю взаимно «таву туваганъ кивзень» (451).
6. Прежде времени созрелый «выгат-ранъ иликъ письны» (466).

В словаре много безупречных передач чувашских слов: тага «баран» (260), **сыхладапъ** «берегу», **ирлахъ** «благодение» (266), **хорадапъ** «боюсь», **хораганъ** «боязливый», **ятладапъ** «браню» (270), **ябала** «вещь» (277), **шалды** «внутри» (282), **мыскара** «забава» (328), **инзетрень** «издалека» (344), **ятъ** «имя» (346), **кйрек камъ** «кто-нибудь» (365), **юраданъ** «любящий» (373).

Некоторые заимствованные из русского языка слова передаются без искажения или с незначительным изменением произношения: **матрос** «матрос» (375), **саступ** «заступ» (334), **палачъ** «палач» (434), **сылка** «ссылка» (527), **стель** «стол» (530), **сават**

¹ Все примеры взяты из копии словаря в русско-чувашской части, имеющейся в Чувашском научно-исследовательском институте. См. фонд проф. Н. В. Никольского, том 40, стр. 236—580.

² В скобках везде указаны страницы названной работы.

«завод» (329), **хаприк** «фабрика» (558), или с большим искажением: **еранал** «генерал» (301), **хораул** «караул» (351), или же дублетом этого же слова в старом заимствовании: **стопка** «стакан» (463).

Составители словаря отразили терминотворческую работу своего времени. Некоторые новообразования можно считать довольно удачными, сюда в первую очередь следует отнести отвлеченные существительные, образованные посредством прибавления аффиксов **-лӑх, -лӕх, -у, -аш, -ьш**; термины, образованные посредством словосложения, и некоторые другие; **хорндаш-лах** «родство» (463), **ватлах** «старость» (528), **мужурлах** «супружество» (534), **послах, позараган** «вождь» (283), **тару** «бегство» (273), **вирендегень** «учитель» (557), **карап каначе** «канат корабельный» (351), **игяхюря** «крыса» (365), **тараньшь** «глубина» (362), **хирь** «степь» (520). Менее удачны термины: **аслы хорадум** «архиерей» (260), **кумулла лару** «беседа (дружеская)» (266).

Неудачны термины, передающие отвлеченные отглагольные существительные, образованные из деепричастия с аффиксом на **-а, -е** и краткого причастия **туран** (стоящий), например: **янра туран** «звон», в дословном переводе означающий «в звонком положении стоящий», «постоянно звенящий», **тюрь суть тува туран** «правосудие» (463), **кирь туран** «доступ» (317), **солла туран** «избрание» (343), **хайдерля туран** «вооружение» (287), **силь вырн вистеря туран** «веер» (299), **толдара туран** «дополнение» (316), **тоба туран** «добыча» (313), **юрада туран** «любовь» (273), **хиберде туран** «веселие» (276), **тау сия туван** «благодарение» (266), **савса туран** «почитание» (462), **лара туран** «сидение» (508).

В фольклорных произведениях того времени эта форма встречается, но не как субстантивное понятие, а как атрибутивное, а потому все примеры подобного рода следует признать измышлениями авторов словаря.

На том же основании следует признать неудачными словообразования посредством прибавления к основе имени аффиксов **-аш, -ш, -ьш**: **хакъш** «дороговизна» (316), **авальш** «древность» (318), **уссаршь** «безумие» (263), **язарашь** «блуд» (267), **тюлевакшь** «тишина» (540).

Следует привести несколько примеров на неудачные словообразования, объясняемые недостаточным знанием авторами законов чувашского языка: **вирендегень хода** «учитель азбуки» (557), где управляемое слово поставлено позади управляющего слова и тем самым затрудняется понимание данного словосочетания, **чопкан** «курьер» (364), при обратном переводе: **бегун, бездельник; умбулих хысна** «государственная казна» (305), **чин-мегень** «молчаливый» (380). Следует отметить, что причастие настоящего времени в отрицательной форме образуется посредством прибавления к основе глагола аффиксов **-ма-н, -ме-н**.

Здесь должно быть **ченмен**. **Хитрь** **слякъ** «премудрость» (467), при обратном переводе «хитрость»; **юля зар** «беззаконие» (262), при обратном переводе «без быта», «без обычая».

Вот несколько примеров на неудачные переводы, вкравшиеся вследствие недостаточных знаний живого разговорного языка: буй «богатство» (268), что означает «богатей»; **поплегень** «болтун» (269), что означает «говорящий»; **крешь** «борьба» (269), что означает «борись»; **шибах** «весь» (277), что означает «ровно»; **пуща брахны** «испорченный» (347); юла «вера» (299), что означает «быт»; **кивзень** «взаимно» (278), что означает «взаимы»; **пить** «вид» (276), что означает «лицо»; **сяндалак** «воздух» (284), что означает «погода»; **чиря** «живот» (326), что означает «сердце».

Следующие слова трудны для понимания, вследствие неправильной передачи их по существовавшей тогда транскрипции: **инче** «жсмчуг» (324), что означает «далеко», **аврум** вместо **арам** «женщина» (325), **пузюр** «куропатка» (364), **сюря** «борона» (270), **йига** вместо **йеке** «веретено» (276), **сюркон** вместо **сюркунне** «весна» (277), **пря** «первый»; **барамсы** «должник» (315).

Никаких изменений нормативного или стилистического характера не вносит в историю чувашского языка и книга под названием «Сокращенный катехизис, переведенный в пользу чуваш на чувашский язык, для удобнейшего им уразумения православного христианского закона», с присовокуплением. В Казанской академии 1803 года, апреля месяца.

В 1836 году в Казани для школьного употребления издается учебник чувашского языка под названием: «Начертания правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии» без указания автора. Учебник состоит из 4 разделов: морфология (1—60 стр.), краткий синтаксис (61—67 стр.), словарь (69—216 стр.), сравнительный словарь чувашского, татарского и черемисского языков (217—246 стр.).

В настоящем учебнике имеется небольшой раздел фонетики, носящий название «О буквах», где отмечены следующие явления:

«Буквы для чувашского языка обыкновенно употребляются российские, а посему они пишутся и выговариваются точно так же, как и российские.

Но букварь чуваш отличен от российского тем, что 1) в оном есть такие звуки, коих не слышно в российском, так, например, в чувашском языке часто бывает слышен звук латинской буквы **g** и слог **ьи**, дающий разуметь, что гласную букву и нужно произносить с придыханием — **сягга** «сей»; **ьивысь** «дереву».

2) Что в оном часто встречаются доегласные: **ю, ю.**

3) Что в оном некоторых звуков, употребляемых в российском языке, нет, например: букв **ф, ц, ш**.

В чувашском языке отмечено три знака ударения:

1. тяжелое, употребляемое на последнем слоге: она́ «загон»;

2. острое, употребляемое на предпоследнем слогѣ: **жива** «вода»;

3. облегченное, употребляемое над дѣогласными: **ю**, **ю**, **и**—
юрь «снѣг», **юмбю** — правитель, **иваш** — смиренный.

К частям речи отнесены: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) причастие; 7) наречие; 8) послѣслозение, называемое в современных грамматиках послѣлогом и 9) междометие.

В чувашском языкѣ отмечено шесть падежей:

1. именительный, 2. родительный, 3. дательный, 4. винительный, 5. звательный, 6. творительный.

Введенный без достаточного основанія звательный падеж рекомендуется устанавливать по следующим признакам: 1) к звательному падежу иногда прибавляется слог: **ой-ой тора!** «о божѣ!» Но чаще всего он остается подобным именительному падежу без сего слова; 2) имена: **оча** «дитя», **ывӑл** «сын», **хирь** «дочь», **ора** «нога», **пось** «голова», **пилик** «поясница» в звательном падеже принимаютъ наращение **мь**, например: **ачамь** «дитятко», **ывылымь** «сынокъ», **хиримь** «дочка», **посимь** «головушка», **орамь** «ноженька», они же и уменьшительные.

В чувашском языкѣ отмечено три склоненія: 1) к первому склоненію отнесены слова, оканчивающіеся на гласную (**лаша** «лошадь»); 2) ко второму склоненію отнесены слова, оканчивающіеся на **ь** (**халыхь** «народъ»); 3) к третьему склоненію отнесены слова, оканчивающіеся на **ь** (**козь** «глазъ»). В отношеніи множественнаго числа учебникъ вплотную подошел к истинѣ, утверждая: имена существительные чувашскаго языка во множественном числѣ склоняются все одинаковымъ образомъ.

В чувашском языкѣ отмечены сложные слова: **алтымар** «пульс», **салаканик** «воробей», **херле козь** «красотка», **ора-посмалли** «стремя» и др.

Учебникъ справедливо отмечает, что «личные местоименія перед глаголами в чувашском языкѣ большею частью умалчиваются», так как узнаются по окончаніямъ глаголовъ.

Союзы в число частей речи не включены, но в учебникахъ приведены следующие союзы: 1) соединительный: **да** «и»; 2) условный: **болзан** «есть ли»; 3) уступительный: **болинь** «хотя»; 4) противоположный: **вара** «же» «но»; 5) винсловные: **онь турух**, **омба** «поелику»; 6) заключительные: **аппинь**, **аря** «и так»; 7) отрицательный: **ни** «не»; 8) вопросительный: **и** «ли».

Отметить особый строй чувашскаго языка, отличный от синтаксиса русскаго языка, автору не удалось. В словарной части эта работа такъ же является во многомъ копированіемъ словаря нижегородскаго епархіи, например: **сіола** «кнутъ» (355), **сыямак** «лихорадка» (369).

Авторъ винительный падеж отождествляетъ с именительнымъ, а дательный — с винительнымъ, форму перваго лица категории принадлежности смѣшиваетъ со звательнымъ падежомъ: у имен

существительных по форме именительного падежа находит три склонения, каковых на самом деле в чувашском языке никогда не было, доказательством чего являются одинаковые аффиксы косвенных падежей, имеющие по закону сингармонизма по два варианта.

В одной из своих работ проф. Н. И. Ашмарин дал следующую оценку этой работе: «Сочинение это, написанное лицом несведующим в восточных языках, составлено по шаблону грамматики русского языка и поэтому совершенно игнорирует оригинальные черты чувашской речи»¹. Но эта оценка дана в 1898 году, когда на смену данной работы появился научный труд самого Н. И. Ашмарина, значительно превосходящий ее своими качествами, а до этого времени в течение 32 лет «Начертания правил чувашского языка» внедряли свои нормы в сознание читателя. Недаром один из пуристов позднейшего времени (1906 года) предлагает не вводить заимствований из русского языка: монах и др. слова, предлагая вместо них закрепить хуратум т. е. те слова, которые даны в словарях XVIII, XIX вв. и в словарной части данного учебника. Вслед за словарями XVIII века словарная часть «Начертаний...» закрепляет следующие заимствования из русского языка, которые позже включены В. Сбоевым в свою работу: **клеймо** «клеймо», **кнеге** «книга», **коба** «копна», **кожак** «кошка», **корбунла** «горбатый», **кран** «грань», «граница»; **крапле** «грабли», **кукшум** «кувшин», **кутра** (соврем. транскрипции: **ка́тра**) «кудрявый», **кюсле** «гусли», **мук** «мох», **падак** «батог», «палка»; **пружин** «пружина»; **прус** «брусок», «оселок»; **сажан** «сажень», «поленница»; **салад** «солод», **саплык** «заплата», **сога** «соха», **стель** «стол» (в соврем. транскрипции: **сётел**); **хитре** «хитрый», «мудрый», «красивый»; **хымач** «кумач» и проч.»²

§ 3. РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В РАЗВИТИИ КНИЖНОГО ЯЗЫКА.

С начала XIX века русская наука начинает проявлять большой интерес к устно-поэтическому творчеству народов России, в том числе и чувашей, что сыграло значительную роль в деле отхода дальнейших исследований в области чувашского языка от целей религиозных и значительно приблизило эти исследования к народному языку чувашей. А. А. Фукс (Апехтина) в книге под названием: «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии» (1840 г.) приводит первые образцы чувашского фольклора, записанные самой А. А. Фукс. Например:

Адя пнге вурмана
Хора сирла нустярма,

¹ Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898 г., стр. XXV.

² В. Сбоев. Чувашки в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Москва, 1865 г.